

...и от их носителей. Творческим потоком, вместе с мусором и грязью разрушения, уносится та «черная злоба, святая злоба», на которую оперся большевизм в своем восхождении. Сталин — последний оплот и вместилище «черной злобы», последний из «мавров». Очередь за ним.

Мы моложе других европейских народов, но ценою невероятных страданий, политически созрели быстрее их. Мы прошли уже тот путь, на который Европа, да и весь мир, только вступает. Мы перенесли страшный кризис роста, но сохранили все наши безграничные творческие возможности и сейчас вплотную приблизились к осуществлению этих возможностей.

Наша Родина строит новую жизнь; там создаются новые формы общественных отношений, которые нельзя назвать ни капитализмом, ни коммунизмом, и которые будут рабски скопированы старой Европой, как была скопирована фашистскими странами диктатура в комбинации с единопартийной системой. Оправдываются вечные слова В. О. Ключевского: «Степная, лесная Россия — неопрятная деревенская люлька, где беспокойно возится и беспомощно кричит мировое будущее».

Н. Гаев.

Русская интеллигенция

«Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения.»

Алексей К. Толстой.

Факты, которыми я позволю себе занять внимание читателей в настоящей статье, общеизвестны.

Теи не менее на страницах «правой» печати, а, в особенности, в откровенных беседах, к ним зачастую относились с предвзятой враждебностью. Поэтому мне и показалось полезным к ним вернуться, чтобы, в меру своих сил, способствовать пересмотру мнений, приносящих русскому делу неисчислимый вред.

Эти холячие мнения можно бы формулировать так: «русская интеллигенция, интернациональная по духу и слюнвявая и бездельная по натуре, изменила Государю и погубила Россию. Опыт показал, что подлускать ее к делу государственного строительства нельзя на пушечный выстрел». Согласно этому пониманию, самое слово «интеллигент» есть бранное слово.

Что же удивляться, что среда так рассуждающая не способна

подняться на ту ступень гражданского сознания, которая одна только дает возможность успешной политической работы, что интеллигентные силы этого лагеря, находящиеся под вечным подозрением у своих «твердокаменных» соратников, не могут выполнять своей мысливающей и направляющей функции?

Покаместь это так, все начинания русских националистов будут фатально вырождаться в ереси, предводимые непогрешимыми «пророками»...

Потому что, чем удачнее и полнее угадана национальная идея, тем менее она способна стать орудием махинаций частного кружка, тем более она нуждается в постоянной проверке и развитии, которые только до конца бесстрашная и бескорыстная мысль интеллигенции может за нею обеспечить.

Чтобы понять почему русская интеллигенция стала такой, какой мы ее знаем, надо проследить ее истоки, припомнить те исторические обстоятельства, которые предопределили ее путь и выковали ее свойства.

Русская интеллигенция, этот культурный цвет империи, была, по началу, чисто дворянской; но и тогда, когда ее ряды открылись для выходцев из других классов, специфически дворянский дух ее не выветрился и сообщил ей все свои свойства — культурную традицию и старческий маразм умирающего класса.

Что же сделало русскую дворянскую культуру тепличной? Какие обстоятельства ослабили эту талантливую среду и дали ей, наконец, евангелие смерти — толстовское непротивление злу?

Впервые служилое шляхетское сословие выступает на историческую авансцену при Иоанне Васильевиче Грозном. Оно было противопоставлено Царем родовитому боярству, вышедшему из княжеского удельного корня и не желавшему примириться со своим превращением из соправителя в подданного единого Государя. Пращурь русского дворянства, это — рыцари с метлой и песьей головой, выметатели крамолы, опричники первого русского Царя.

Сословие это оказалось наиболее государственно устойчивым и в Смутное Время, а в империи Романовых определенно вышло на первое место.

Служилое военное сословие, выходящее на брань по призыву Царей «конно, людно и оружно», вынесло на своих плечах русскую судьбу из захолустья московского царства на широкий тракт русской империи, вывело русскую мысль из кривых московских азиатских переулков на прямолинейные просеки Санкт-Петербургских проспектов, упирившихся в море и Европу.

Живое, творческое, молодое сословие несло на своем шлеме молодую Династию. Россия успокоилась при первых Романовых, постепенно забывались шатания Смутного Времени, как вдруг для мирной страной раздалось:

«Как будто грома грохотанье, —
Тяжело-звонкое скаканье

По потрясенной мостовой.»

Явился Медный Всадник — Император Петр.

Русское дворянство поддержало державную волю. Из прорубленного в Европу окна хлынул в Россию свет просвещения и гражданственности; в это время зародилась русская интеллигенция, хотя самый термин появился и много позднее. Но Петр Великий был Императором - революционером, он резко рвал с прошлым и, гигантскими шагами идя в Европу, естественно, не мог увлечь за собою всего народа. За ним шли те, кто мог поспеть.

Дворянство, наиболее развитой класс общества, оторвался, вслед за Императором, от русской стихии. Образование и практическая выучка, образ жизни, самый вид «птенцов гнезда Петрова» — были чужды и непонятны, а потому и враждебны, глубиной России. Русское простонародье верило в то, что Петра подменили немцы. Читая теперь Петровские распоряжения и письма, и нам трудно подавить в себе недоумение: Петр изъяснялся на невероятной смеси голандского, немецкого и русского языков. Вероятно, так и говорил. Те, кто шли за Императором, тоже стали в сознании народа «немцами». Вот уже где открывается та бездна, в которую обрушилась Россия!

Европеизм, привитый Петром первому сословию, предопределил все развитие русской мысли и логически вел к равеннию на Европу.

Если в чем и была виновата интеллигенция последующих царствований, так это в том, что она слишком «всерьез и надолго» приняла указания гениального Монарха; а власти стремились уже затормозить Петровскую колесницу и «заморозить Россию».

Консерватизм этот нашел и своих поэтов. Тютчев бросает декабристам презрительные строки, не достойные одного из величайших русских поэтов:

«О, жертвы мысли безрассудной.
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить.
Едва дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов:
Зима железная дохнула,
И не осталось и следов.»

Какое ложное предсказание и какая жестоко-несправедливая оценка бескорыстного стремления образованного русского общества проложить дело, так ясно указанное России Великим Императором.

Это обстоятельство, — консерватизм имперской политики, — вызвало другую трещину: уже между интеллигенцией и властью.

Схематически, после декабристов, позиции различных элементов общества сложились так: основной фон — это темная народная масса, живущая и чувствующая по азиатски; над ней тонкая прослойка образованного, по европейски мыслящего, Петром вдохновленного общества и, завершающая государственную пирамиду, колеблющаяся и медлящая власть.

Осветим теперь положение дворянства в другой плоскости, — постараемся найти объяснение его беспочвенности и максимализма.

Мы видим первопричину дворянской анемии, хозяйственной и деловой апатии, в том акте, который, на первый взгляд, представляет о «вольности дворянской», который даровал право не служить, оставляя за дворянством земли, владение которыми всегда понималось, как плата за кровь, проливаемую в «государевых делах ратных». Манифест этот лег в основу еще более благоприятной Жалованной Грамоты дворянству Екатерины Великой, дарованной в 1785 году. Как известно, Монархами руководила здесь не только благодарность первому сословию, но и некоторая опаска, воспоминание о гвардейских переворотах недавнего времени. Слишком активное сословие хотели отчасти ублажить, отчасти ослабить его напор в государственных делах.

«Жалованная грамота» развратила дворянство: она убила в нем чувство гражданского долга, сознание служебной роли сословия и пробудила, в то же время, подтачивающую мысль о незаконности, неэтичности его прав и привилегий.

Сидя в своих поместьях, дворянство не только наслаждалось свободой от дел службы, не всецело ушло оно в хозяйственные заботы и развлечения сельской жизни; оно не переставало мыслить по европейски, впитывать социальные учения и, не находя им применения у себя дома, развивать теоретические установки, не проверяемые и не умеряемые жизнью.

Вот еще где зародилась максималистическая русская мысль.

Конечно и после дарования «Жалованной Грамоты» большая часть дворянства служила, но необязательность службы ослабляла в нем психологию служилого сословия. С другой стороны, «Табель о рангах» закрепила особый мир бюрократии, где живого человека быстро поглощала канцелярская машина.

Русская дворянская интеллигенция, к последним царствованиям уже впитавшая в себя значительную массу «разночинцев», но, как уже говорилось, зараженная дворянским упадочным духом, разделилась на две основные группы: бюрократов и людей свободных профессий.

То специфическое свойство интеллигенции — работа мысли, в которой и заключается ее общественная функция, — ярко расцвело в кругах людей свободных профессий и угрожающе слабело в бюрократических сферах. Это разделение и взаимное отталкивание нельзя выпускать из виду, когда размышляешь о бессилии краткой общественной весны февральской революции.

К сожалению, наша бюрократия не сумела выработать школы государственной мысли, оформить охранительно-прогрессивных настроений, так законченно выраженных в мощном английском консерватизме. Вся мудрость русской бюрократии заключалась в виртуозной расстановке потемкинских деревень. Нужны были Порт-Артур и Цусима, чтобы Государь с ужасом увидел, какой сетью лжи его окружали. Но все перспективы были уже искажены и поиски истины, — в соприкосновении с народом, — выродились в глубоко трагическую эпопею Распутина.

На другом фланге общественности, отстраненном, как уже го-

ворилось, от соучастия в государственном строительстве, оппозиционные и революционные настроения, естественно, нарастали. Но все же, нельзя забывать, что цвет интеллигенции тяготел к кадетской партии, предпочитая реформы революции. Зато крайние партии, обещавшие немедленное счастье «всем, всем, всем», захватывали молодежь, которая работала на революцию бескорыстно и слепо, чуждая народным массам и, вследствие практической от них оторванности, менее им понятная, чем чиновник, офицер или становой пристав.

Первое жестокое соприкосновение теоретиков революции с народным бунтом произошло в 1905 году. Оно заставило их задуматься и вернуться к мысли о безотносительной ценности государственного костяка, оформляющего нацию. Словом, в период между японской и великой войнами, интеллигенция стала возвращаться к реальной России, заслоненной теоретическими построениями.

Об этой перемене настроений ярко свидетельствует тот факт, что, вышедшее на японскую войну пораженчески настроенным, общество встретило великую войну с громадным патриотическим подъемом.

После пятого года революционные партии заполняются другим элементом, о котором, как то, забывают, когда ставят на счет интеллигенции революцию. Эта страшная саранча, которая и сейчас пожирает русские поля, уже тогда стала основной силой революции и незаметно вклинилась между народом и интеллигенцией.

Это — мир писарей, фельдшеров, сельских учителей, местечковых пророков, бесчисленных экстернов, которые, не имея культуры, лихорадочно овладевали формальным образованием. Правильность этого положения может быть ярко иллюстрирована указанием на личности сегодняшних хозяев России — Сталина и Ворошилова, с их окружением.

Они сломили становой хребет дворянской интеллигенции, закончили эпоху ее духовной гегемонии и вступили в новую эру, еще не нашедшую своего имени.

Когда мы, таким образом, беглым взглядом окинули прошлое русской интеллигенции, то характер отношений верховной власти, образованного общества и народной массы обнаружился, во всей несомненности.

Естественно спросить себя: кто несет на себе наибольшую тяжесть ответственности? — Конечно, тот, кто выковывает общественные отношения, то-есть, власть.

Но если мы делаем это умозаключение, то не для того, чтобы винить кого бы то ни было: ненавистнические поиски виноватого — плохой метод для тех, кто пытается направить свои усилия к строительству будущего. Хочется только снять с плеч русской интеллигенции несправедливо на них тяготеющее обвинение.

Нет, русская интеллигенция не «интернациональна». Она создана историей своей страны и обнаружила, в своем развитии, качества своей нации, как хорошие, так и дурные. Она выдвинула ряд мировых имен во всех областях человеческого творчества. Наконец, она поставила перед всем миром проблему социальной справедливости, принесла в жертву исканию истины самую себя. Потому что,

грандиозный обман коммунистической партии рассеется, но раз поставленная Россией перед человечеством задача не будет оставлена не разрешенной. Влияние России, которая, переболев первая, первая же и найдет социальную структуру, долженствующую прийти на смену капиталистической, — России, родины социальной революции, будет плодотворно и длительно, как было, в свое время, влияние революционной Франции.

Интеллигенцию, наметившую, таким образом, пути человечества, нельзя назвать интернациональной, но можно, и должно, сверхнациональной. Стыдиться этого не приходится. Когда Франция выработала принципы, ставшие затем путеводными для мира, она не умалилась этим фактом. И, побежденная на полях брани, победила духом, обрела длительную благодарность человечества, сколотившую вокруг нее, в эпоху Великой Войны, непобедимую коалицию.

Пойдем дальше в рассмотрении худительной для русской интеллигенции формулы.

«Слюнява» ли русская интеллигенция? — Трудно это доказать. Начиная с декабристов и кончая думскими кадетами, не проявила ли она стойкости в отстаивании своих политических верований? — Стены русских тюрем и каторга могли бы многое рассказать о том, как крепок был дух этих людей, как стойки их убеждения. И если духовная сила интеллигенции растрчивалась так бесплодно, во всяком случае для сегодняшнего дня, то разве можно было ее в этом обвинять?

Легенда о «бездельности» русской интеллигенции также связана с общественными условиями жизни. Трудно было найти область, кроме всевозможных путей искусства, в которой общественной деятельности интеллигенции не ставилась бы препона.

Но разве русское земство, школа, больница, суд — не великолепные памятники ее деятельности?

Разве теперь, ознакомившись на практике с постановкой этих институтов в Европе, мы имеем моральное право осудить тех, кто, в суровых условиях России, сумел осуществить подобное чудо?

И, наконец, разве не П. Н. Милюков, — лидер кадетской партии, объединившей цвет российской интеллигенции, — настаивал на принятии Великим Князем Михаилом Александровичем царской власти? Это ли измена Государю?

Затем, — затем крестный путь белых армий — подвиг, в значительной степени, той же интеллигенции.

Но, и первые спецсы, и генералитет Троцкого? — спросите вы.

Да, — в каждом большом движении великой нации не может, начисто, отсутствовать мозг ее.

Но, все же не там, в красном лагере, пролегал основная дорога русской интеллигенции. Она там, где борются за Правду, за Свободную Великую Родину. Здесь — в изгнании, там — на Соловках и на охранительных постах русских ученых, мерзнувших в своих музеех и лабораториях, и на подмостках русского театра, я в голосе Ивана Буннина, который подарил нам, эмигрантам, мировую победу.

Но что в том, воскликнет читатель, что так вселенно широк размах русской мысли, так величественно прошлое нашей авддд? —

Нелепо предвзваться самовосхвалениям перед разбитым российским корытом.

На это мы ответим: больше веры в свой народ, больше наблюдательности и терпения. Срок человеческой жизни ничтожен перед продолжительностью жизни нации. Истинный патриотизм лишен эгоизма, и тут нас, наследников русской интеллигенции, должна подержать благородная мысль Великого Петра: «а о Петре ведайте, жизнь ему не дорога. Была бы жива Россия». В этом исповедании нет места унынию.

Надо понять, что Россией выполнен только предварительный маневр: приготовлен плацдарм для развертывания сил по новому сколоченной нации. И, редкая удача, все предпосылки для счастливого осуществления задания — налицо.

Народ, вышедший из политической спячки и обманутый так много обещавшей революцией, сознательно стремится к установлению правового, едва еще намечающегося, строя.

Интеллигенция, утратившая свою обособленность, свое барское превосходство, и, по многогласным и никогда не опровергнутым свидетельствам, приобретшая признание и жалостливую симпатию масс.

И, необходимое условие, Династия, залог русского единства, в лице Государя Кирилла Владимировича, готовая продолжить дело Петра и Царя Освободителя, единственная историческая сила, способная объединить разноплеменную Империю и обеспечить гармонию интересов различных классов общества, — равно близких сердцу Верховного Арбитра — Императора. При этом, опасность отхода Династии в лагерь реакции упразднена тем обстоятельством, что Император может взойти на Трон предков только, как всенародный, а не сословный, Государь. Первое сословие, дворянство экономически агонизировавшее уже со времени отмены крепостного права, в революции исчезло без остатка.

Дворянство умерло, но интеллигенция в революционном застенке осуществила то единение с народом, к которому прежде так безнадежно стремилась.

И те остатки ее, которые переживут лихолетье, должны быть бережно хранимы нацией, ибо в них не угас Прометеев огонь Свободной Культуры.

Николай Вадвич.